

Глава 8

В деревне Эрли на днях произошло событие, взбудоражившее всех от мала до велика.

Вань Шанья, местный бездельник и смутьян, чьё имя давно стало в округе нарицательным, угодил в охотничью ловушку, когда в очередной раз отправился в лес за легкой добычей. Нашли его не сразу — к тому времени он уже едва дышал, и жизнь в нём теплилась лишь чудом.

Семейство Вань с воплями и причитаниями доставило беднягу в лечебницу. К счастью, лекарь оказался мастером своего дела и буквально вырвал парня из лап Смерти. Однако ногу, намертво зажатую стальными зубьями капкана, спасти не удалось.

Так молодой и здоровый мужчина в одночасье стал калекой. Раньше ещё поговаривали о том, чтобы подыскать ему подходящего фулана, но теперь об этом можно было забыть — кто пойдет за хромого?

В доме семьи Вань не утихали страсти. Едва придя в себя и осознав, что штанина его теперь пуста, Вань Шанья окончательно лишился рассудка.

— Шёл я мимо их ворот, так звон битой посуды и по сию пору в ушах стоит, — рассказывал Тао Цинъюю хозяин Лю, торговавший овощами в деревне Эрли. — Родители его в крик исходят: мол, всё имущество на лечение угрохали, а в итоге получили в доме дармоеда-инвалида. Лада у них теперь не дожدهшься.

Цинъюй, который только-только открыл свою лавку на рынке, слушал эти новости как диковинную сказку.

— Надо же, — изумленно протянул он. — Еще недавно гоголем ходил, а теперь, выходит, всё — отбегался?

— Пути Господни неисповедимы, кто ж знал, — хозяин Лю, Лю Чаншэн, терпеть не мог всё семейство Вань. — Поделом ему. Видать, слишком много зла сотворил, вот Небеса и покарали.

— Что ж, заслужил.

— И то верно!

Настроение у Цинъюя мгновенно сделалось безоблачным. Он выбрал для хозяина Лю самую крупную и жирную рыбину, а при расчете еще и округлил цену в его пользу, не взяв лишних медяков.

Довольный Лю Чаншэн, прихватив покупку, бодро зашагал обратно к своему прилавку.

Вань Шанья в округе ненавидели многие. Еще в детстве родители подстрекали его таскать овощи с чужих огородов, а когда он подрос, то и вовсе сколотил банду таких же оболтусов и начал грабить соседей среди бела дня. Лю Чаншэн давно затаил на него обиду, но поделаться ничего не мог — даже староста деревни не чаял, как совладать с этим наглецом.

Теперь же справедливость восторжествовала.

«Хромой — это хорошо. Хромой много не наврует, — думал он, помахивая рыбиной и напевая под нос веселый мотивчик. — Глядишь, и жизнь в деревне Эрли теперь станет поспокойнее»

Стоило хозяину Лю уйти, как у прилавка Тао Цинъюя наступило затишье. Погода стояла чудесная; утреннее солнце, пробиваясь сквозь кружево облаков, золотило всё вокруг, точно чешуя огромной рыбы, лениво плывущей по небесному океану.

Тао Далан, заметив довольную улыбку на лице сына, и сам немного приободрился.

— Юй-гээр, ты ведь не задумал ничего дурного?

— Отец, не беспокойся. Даже если я и решусь на пакость, ты об этом никогда не узнаешь.

Далан на мгновение лишился дара речи от такой дерзости. Помолчав, он лишь тяжело вздохнул:

— Негоже в сомнительные дела впутываться. Держись от греха подальше.

Юноша широко распахнул свои округлые глаза, изобразив на лице полнейшую невинность:

— Неужто я похож на злодея?

— Я лишь предостерегаю тебя.

Далан знал своего сына как облупленного. Юй-гээр мог пойти на мелкую хитрость или даже поколотить обидчика в пылу ссоры, но дойти до смертоубийства — нет, на такое его доброе сердце не способно.

— Хозяин Лю ясно сказал: несчастный случай, — пожал плечами Цинъюй.

Покупателей пока не было, и юноша решил немного размяться, прогулявшись по рыбным рядам. Рынок в уезде работал ежедневно, но по-настоящему оживал лишь в дни больших ярмарок. Сегодня же было тихо, и многие места, вроде того, что занимала семья Цзоу Фэнчуня, пустовали.

У семьи Цзоу здесь была собственная лавка — каменная постройка, где можно было хранить и рыбу, и все снасти. Когда Цзоу Фэнчунь приезжал торговать, ему нужно было лишь доставить товар на телеге, запряженной старым волом. Огромные садки у входа, верно служившие хозяевам многие годы, вмещали в три раза больше рыбы, чем обычные бадьи семьи Тао. Естественно, и прибыли они получали куда больше.

Цинъюй невольно засмотрелся на пустующее место. Эх, была бы и у них такая постоянная лавка в самом центре рынка, насколько легче стала бы жизнь! Однако он тут же хлопнул себя по лбу, отгоняя эти мысли.

«Рыба, рыба... Неужто я собираюсь всю жизнь провести за прилавком? Совсем зашорился со своим ремеслом»

Ему нужно было заработать по-настоящему большие деньги, а торговля рыбой — это лишь временное подспорье!

Обойдя рынок до самого конца, Цинъюй вдруг замер, внимательно изучая один из дальних рядов, после чего неспешно вернулся к отцу. Усевшись на маленькую скамеечку, он подался вперед и зашептал:

— Батюшка, а что, семья Цзэн уже давно рыбой не торгует?

Далан задумался, припоминая, о ком идет речь.

— Ты про Цзэн Сылана? Да, давненько его не видать. Впрочем, какая нам печаль до других? Гляди, покупатель идет.

— Да я так, к слову пришлось, — бросил Цинъюй.

Не приходят — и славно, меньше шума под ухом.

В тот день торговля шла вяло, и к полудню половина товара так и осталась нераспроданной.

Отцу с сыном пришлось грузить бадьи на тележку и отправляться в обход по городским переулкам. К обеду живот Цинъюя затянул унылую песню от голода, и как раз в этот момент

они свернули в переулок Цзиньфу.

В окрестных домах вовсю готовили обед. Аромат жареного мяса и приправ был настолько густым, что, казалось, его можно потрогать руками. Цинъюй сглотнул набежавшую слюну и, собравшись с духом, зычно выкрикнул:

— Рыба! Свежая рыба! Подходи, выбирай, недорого отдам!

Пока они миновали переулок, удалось пристроить три-четыре рыбины — неплохой улов для полудня.

— Постой здесь немного, я скоро вернусь, — Далан, поправляя пояс, торопливо скрылся за поворотом, оставив сына одного присматривать за тележкой.

Когда они поравнялись с воротами дома семьи Фан, те, как и ожидал Цинъюй, открылись. Удивительно было другое — манящий запах домашней еды здесь ощущался в разы сильнее.

— Хозяин Сяо Юй.

Фан Вэньли вышел на порог. Сегодня на нём был строгий черный халат, перехваченный кожаным поясом, который подчеркивал его статную фигуру. Этот простой наряд лишил его образа привычной учительской строгости, придавая взамен благородство и скрытую силу.

«Учителю Фану хоть мешковину надень — всё равно красавцем будет»

Заметив на себе изучающий взгляд, Вэньли замер, не спеша нарушать тишину. Лишь когда Цинъюй приветливо махнул ему рукой, он подошел ближе.

— Ур-р... — только юноша открыл рот, чтобы поздороваться, как живот ответил за него.

Вэньли едва заметно приподнял бровь:

— Хозяин Сяо Юй проголодался?

Цинъюй густо покраснел, но благодаря смуглой коже это осталось незамеченным.

— А как иначе? Всё утро на ногах, — проворчал он. — Знал, что у вас сегодня отдых, вот и приберег самую лучшую рыбину.

Вэньли кивнул:

— В таком случае, подождите минутку. Я принесу бадью.

— Идите-идите, я подожду.

Рыбина весила добрых десять цзиней. Только такой любитель рыбы, как учитель Фан, не знающий счета деньгам, мог купить её, не торгуясь.

Пока хозяин ходил за бадьей, А Сю в доме уже упаковывал в промасленную бумагу только что снятые со сковороды лепешки.

— Сделал две, — коротко бросил слуга.

Вэньли подхватил сверток и вышел к тележке. К этому времени Цинъюй уже выудил из воды огромную рыбину, крепко держа её за жабры.

— С вас восемьдесят шесть монет, — бодро отрапортовал он, опуская добычу в подставленную бадью. — Но так и быть, округлим для постоянного клиента. Давайте восемьдесят.

Вэньли бросил на него быстрый взгляд и, достав связку монет, неспешно отсчитал нужную сумму. Заметив, как довольно сощурились глаза юноши, он почувствовал, как в груди разливается тепло.

«До чего же славный»

— Вот, возьми.

Цинъюй принял деньги обеими руками и, расплывшись в улыбке, отвесил шутливый поклон:

— Благодарю за покупку! Заходите еще!

Деньги переключивали в кошель, рыба — в бадью. Цинъюй, сияя от счастья, уже собирался взяться за поручни тележки, как голос учителя его остановил:

— Постой.

Юноша обернулся.

— Мы тут лепешек напекли... Первый раз пробовали, так что не обессудь, если вкус подкачал. Попробуй, скажи потом, как оно.

С этими словами Вэньли протянул ему сверток. Цинъюй снова сглотнул слюну, но замахал руками:

— Что вы, учитель, никак нельзя!

Сквозь бумагу проступили жирные пятна — такие лепешки пекли только из тончайшей белой муки, да еще и с мясом. Одна такая на рынке стоит не меньше пяти монет. Принимать такой подарок было выше его сил.

— Бери, я сказал.

Вэньли ловко опустил сверток прямо в корзину юноши и, чтобы тот не успел его вернуть, быстро скрылся за воротами.

— Эй! — Цинъюй растерянно смотрел на закрытую дверь. Делать было нечего, и он во всё горло прокричал: — Учитель Фан! Спасибо вам большое!

Голос его прозвучал звонко и чисто, точно пение лесной птицы. Вэньли, стоя за дверью, невольно вздрогнул, но отвечать не стал, сдерживая улыбку.

Вскоре послышались шаги Тао Далана. Вэньли жестом велел подошедшему А Сю забрать бадью с рыбой, а сам так и остался стоять в тишине двора.

— Юй-гээр, ты чего застыл?

— Батюшка, лепешку хочешь?

— Откуда она у тебя?

— Покупатель угостил.

«Покупатель»... Это простое слово, которое Вэньли слышал сотни раз, сейчас почему-то отозвалось в его душе неприятным уколом.

Зимнее солнце на юге греет ласково, разнеживая тело так, что хочется усесться прямо на дорогу и сладко вздремнуть. Однако дома их ждали, так что отцу с сыном пришлось прибавить шаг.

Далан тащил тележку, а Цинъюй шел рядом, сосредоточенно жуя лепешку. Обычно он

заглатывал еду мгновенно, но сейчас смаковал каждый кусочек, и со стороны это выглядело на редкость чинно.

Далан, глядя на него, не сдержал улыбки:

— А лепешки и впрямь хороши. Не думал, что учитель Фан, будучи мужчиной, так искусен в кулинарии.

— Да это не просто вкусно, это дар божий! — не выдержал Цинъюй и откусил сразу половину.

Вкус сочного мяса, смешанный с ароматом свежего лука, буквально вскружил ему голову. Хрустящая корочка и нежное тесто — за все свои годы Цинъюй никогда не пробовал ничего подобного. Он зажмурился от удовольствия:

— Как же вкусно... Вот бы каждый день так обедать.

— Знал бы я, что тебе так понравится, свою бы тоже тебе отдал, — вздохнул Далан.

— Мы сегодня допоздна работаем, без сил до дома не дотянешь. К тому же я не дитя малое, чтобы за еду переживать. Так, к слову пришлось.

Далан улыбнулся, но на душе у него стало горько.

— Бедно мы живем, — тихо произнес он. — Прости, что сладостей тебе не видать.

Цинъюй тут же возмутился:

— Какая же это бедность! Вовсе нам не плохо. Посмотри на бедных арендаторов на юге деревни, которым и чашки риса в день не перепадает — вот где беда, а у нас всё в порядке.

Отец лишь грустно покачал головой:

— Глупый ты еще. Равняться надо на тех, кто лучше живет, а не на тех, кто хуже. Иначе так и останешься на дне.

— Ой, да брось ты эти разговоры! Хорошо нам, и точка. Есть ты, есть Младший папочка — чего еще желать? Жизнь-то сладкая.

Юноша подмигнул отцу, и глаза его азартно блеснули:

— К тому же, у тебя есть я! Я буду трудиться в поте лица, заработаю нам на огромный дом и сделаю так, чтобы мы эти лепешки каждый божий день ели!

— Хорошо-хорошо, будем есть, — на лице Далана расцвела искренняя, добрая улыбка.

Сын рядом, живой и веселый — что еще нужно для счастья? А достаток придет, со временем всё наладится.

Успокоив отца, Цинъюй снова вернулся мыслями к учителю Фану.

— Слушай, батюшка, а учитель Фан всегда такую огромную рыбу берет... Как они её съедают-то вдвоем со слугой?

— Да, я тоже никого, кроме этого мальчишки, при нём не видел. А где его родители, ты не знаешь?

Далан наморщил лоб, припоминая слухи.

— Дед его по материнской линии из тех же краев, что и родня твоего Младшего папочки. А вот отец его... поговаривали, что он примаком в семью Фан вошел. Давно я слышал, что не ладили супруги. Последние годы их и вовсе не видать в уезде, может, разошлись пути-дорожки.

— Выходит, они и впрямь вдвоем такую тушу уплести пытаются? — хмыкнул Цинъюй. — Неужто у них в роду свой пруд был? Не видел я еще людей, которые так сильно рыбу любят.

Далан рассмеялся:

— Глупости. Дед его — учёный, почтенный человек, зачем им пруд? Захотелось рыбы — пошел да купил, были бы деньги.

Цинъюй вздохнул:

— И то верно.

Счастливики, с самого детства нужды не знали. Правду говорят: на мир глядя, только сердце травить.